

между разными уровнями изучения проблем национализма. Каждый из этих уровней (индивид, группа и др.) предполагает свои концептуальные основания и практики при работе с ними.

Как показал Р. Суни, анализ организации различных социально-культурных и политических явлений предполагает затем изучение динамики их развития. Однако основной недостаток этого дискурса я вижу еще в одном обстоятельстве: стремлении свести всю реальность к ее символическому отображению (воображению). Понятно, что мы можем рассматривать такие явления, как нация, государство, национализм, лишь дискурсивными средствами. Несомненно также огромное влияние различных идеологем и мифологем на современную общественно-политическую реальность. Но в этом воображении многие авторы упускают из вида условия и общий контекст, при которых впервые возникли новые идеи, представления и т.д. Это особенно непонятно в случае с Гринфелд, показавшей, например, при каких обстоятельствах изменилось отношение к антисемитизму и роли женщины в США.

Бесспорно, что у идей и воображения есть своя собственная жизнь, которую следует изучать. Но при этом нельзя забывать, что есть реальные условия, при которых органично могут возникать образы, идеи, смыслы, а есть ситуации переноса всех этих символических отображений на совершенно другую реальность. Кроме того, современный методологический уровень анализа сложных социально-культурных или политических проблем предполагает изучение разных ракурсов рассматриваемых явлений (структурного, динамического, организационного, функционального и т.д.) и затем дальнейшее их сопряжение на основе принципа дополнительности. Конечно, в небольшом по объему разделе трудно проделать анализ всех возможных ракурсов той или другой проблемы. К сожалению, у нас пока мало примеров корректного приложения этих правил к исследованию национализма и в более объемных трудах.

ЭО, 2008 г., № 5

© **О.Е. Казьмина**. Рец. на: *В.К. Семибратов. Староверы федосеевцы Вятского края*. М.: Археодоксия, 2006. 206 с.

В последние два десятилетия интерес к религии в российском обществе резко возрос, что, в частности, привело к появлению многочисленных работ религиозиеведческой тематики, особенно посвященных религиозным организациям, традиционно распространенным у народов России. Именно к таким организациям относятся и старообрядцы. Впрочем, работы о старообрядцах выходили и в прошлом, но тогда преимущественное внимание уделялось этнографической специфике их культуры. Работа же В.К. Семибратова отличается разноплановостью. В ней отражены и богословские, и религиозиеведческие, и культурологические проблемы. Еще одно достоинство работы заключается в умелом сочетании общего и частного, территориального и общенационального.

В книге В.К. Семибратова анализируется духовная культура русского старообрядчества на примере одной из его ветвей – федосеевского согласия – на региональном материале Вятского края. При этом автор считает важным и опровержение еще распространенного среди части населения представления о том, что старообрядчество – якобы отдельная конфессия, и справедливо подчеркивает, что это ветвь православия. Но иногда он, к сожалению, впадает в другую крайность и пишет слово "православная" в кавычках, когда речь идет об официальной Церкви (с. 49).

Исходной посылкой В.К. Семибратова было то, что старообрядчество Вятского края изучено недостаточно и что его глубокое познание невозможно без дальнейшего исследования жизни и деятельности яркого представителя вятских федосеевцев – Л.А. Гребнева. По признанию автора, хронологические рамки его исследования были во многом определены именно годами жизни этого выдающегося человека.

Книга включает две главы. Первая – "Старообрядчество на территории Вятского края в конце XIX – первой трети XX в." – посвящена достаточно широкому кругу проблем, связанных с историей федосеевцев этого региона. При этом местная история показывается в контексте истории и культуры всей России. Особое внимание по вполне понятным причинам уделяется формированию разных направлений и согласий старообрядчества.

Говоря об отношениях между официальной Церковью и старообрядчеством, В.К. Семибратов обращает внимание на то, что наряду с общей политикой по отношению к старообрядчеству существенную роль играл и местный фактор. В Вятском крае местные условия складывались неблагоприятно для старообрядцев прежде всего из-за бескомпромиссности миссионеров государственной Церкви. В.К. Семибратов, однако, указывает, что, несмотря на это, там открывались старообрядческие школы, типографии, иконописные мастерские, возводились молитвенные дома и храмы.

В.К. Семибратов опирался на разнообразные источники. В частности, историю появления старообрядческих деревень на Вятке он прослеживает и на основе дневниковых записей самих старообрядцев, пытаясь реконструировать уклад их повседневной жизни в XIX в. Большое внимание уделено в книге вопросам образования и грамотности. Так, описывая жизнь села Старая Тушка, ставшего центром вятского старообрядчества, В.К. Семибратов подчеркивает, что все его взрослое население было грамотным. Факт поголовной грамотности старообрядцев еще в XIX в. особенно впечатляет, когда читаешь вопиюще безграмотные тексты допросов, составленные гонителями старообрядчества в 1920–1930-е годы (В.К. Семибратов сохранил орфографию найденных им в архивах оригиналов – см., напр., с. 80, 81, 107).

"Золотым веком" старообрядчества В.К. Семибратов, как и другие исследователи, считает период с 1905 по 1917 г. Что же касается последующего периода, то в литературе встречаются разные точки зрения как по поводу отношения старообрядцев к советской власти, так и по поводу оценки возможностей религиозной жизни для старообрядцев в советское время по сравнению с XIX в. В.К. Семибратов считает, что октябрьский переворот 1917 г. был воспринят старообрядцами неоднозначно. Однако он также отмечает, что "симпатии некоторой части старообрядцев к власти большевиков ни в коем случае не следует распространять на все старообрядчество", как это делают некоторые исследователи (с. 56). Хотя старообрядцы были недовольны царским режимом, поддерживавшим официальную Церковь, они в массе своей не могли симпатизировать атеистической по сути советской власти. Кроме того, уже в 1920-е годы на старообрядцев обрушились репрессии: многие активные верующие были арестованы, храмы и монастыри разрушены или отобраны, огромное число духовных книг и предметов культа уничтожено. Разделяя сделанную В.К. Семибратовым оценку положения старообрядчества при советской власти, вряд ли тем не менее можно согласиться с его утверждением, что "невольной союзницей безбожной власти по отношению к старообрядцам оказалась Русская Православная Церковь, некоторые представители которой, выдавая желаемое за действительное, пытались утверждать, что между коммунизмом и христианством противоречия нет" (с. 59). Подобного мнения придерживалась лишь так называемая обновленческая церковь.

Последний раздел первой главы посвящен жизни и деятельности Л.А. Гребнева (1867–1932), которого В.К. Семибратов по праву называет выдающимся деятелем старообрядческой культуры. Такое определение ярко подтверждает вся вторая глава книги, ни один из разделов которой невозможно было осветить без анализа деятельности этого человека, оказавшего, как подчеркивает В.К. Семибратов, исключительное влияние на духовную жизнь старообрядцев Вятского края.

Во второй главе "Духовная культура вятского старообрядчества" рассматриваются разнообразные аспекты духовной жизни вятских федосеевцев. Здесь автор касается и собирательства и переписывания книг, и книгопечатания, и составления помянников и родословных, и музыкальной культуры, и изобразительного искусства. Трудно не согласиться с авторской оценкой собирательства книг как показателя высокого культурного уровня старообрядцев. Необходимость полемики с официальной Церковью и отстаивание своей конфессиональной самобытности в спорах с другими старообрядческими толками создавали условия для развития грамотности и образования. "Невозможно представить себе старообрядца, у которого не было бы книг и кото-

рый был бы неграмотным", – пишет В.К. Семибратов. Уважение старообрядцев к печатному слову проявлялось и в почтительном отношении к книге. Перед чтением старообрядцы осеняли себя крестным знаменем и мыли руки; книгу обязательно клали на стол, держать ее на весу или на коленях считалось недопустимым; существовала культура закладок, которые часто делали из ценного материала и художественно украшали. Религиозные книги имелись в домах всех старообрядцев. По распространенности книг и числу владельцев больших личных библиотек старообрядчество Вятского края, подчеркивает В.К. Семибратов, ничуть не уступало староверам других российских регионов. Владельцем одной из наиболее богатых библиотек рукописных и старопечатных книг, а также древних документов был Л.А. Гребнев.

Значительное внимание В.К. Семибратов уделил книгопечатанию вятских старообрядцев, справедливо охарактеризовав его как уникальное явление русской культуры. Действительно, в вятской старообрядческой деревне Дергачи была создана своя типография, где издательское дело стояло на уровне ведущих старообрядческих книгопечатных заведений, причем эта типография была основана еще в 1899 г., т. е. задолго до провозглашения в 1905 г. свободы слова и вероисповедания. В 1905 г. уже с официального разрешения властей вместо дергачевского заведения старообрядческая типография была основана в крупном центре вятской федосеевщины – селе Старая Тушка (как и предыдущую типографию, ее возглавил Л.А. Гребнев). Описывая успехи вятских старообрядцев в издательском деле, В.К. Семибратов приводит слова известного деятеля и исследователя старообрядчества Ф.Е. Мельникова, который, характеризуя старообрядческое книгопечатание 1905–1917 гг., особо выделил четыре типографии в Москве, типографии в г. Уральске и "в таком захолустном селе, как Тушка Вятской губернии" (Мельников 1999: 504). В.К. Семибратов, правда, обижается на эпитет "захолустный", подчеркивая, что удаленность от центра не может считаться показателем "захолустности" (с. 171).

Продукция вятской типографии, отмечает В.К. Семибратов, имела хождение среди староверов Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, многих других городов, попадала в собрания книжников на Русском Севере, в Сибири, Прибалтике. Выдающиеся писатели-старообрядцы почитали за честь напечатать свои труды в селе Старая Тушка (с. 141).

На примере вятского материала В.К. Семибратов изучил и такую отличительную черту старообрядчества, как памятование о смерти и приготовление к "жизни будущего века". Автор исследовал поминальники (как их называют старообрядцы, *помянники*) и родословия. Поскольку старообрядцы полагают, что ежедневные молитвы о прощении всех вольных и невольных грехов необходимы и для помощи душам покойных родителей и других "сродников по плоти" при вселении в "светлые чертоги небеснаго Иерусалима", и для собственного спасения, они всегда очень хорошо знали деяния своих "прежде отшедших отец и братий" и скрупулезно вписывали и до сей поры вписывают их имена с датами рождения и смерти в помянники (поминальники) (с. 123).

Сравнительный анализ помянников Уральского региона позволил автору сделать вывод, что "именно на Вятке данный жанр имел наибольшее распространение" (с. 127). Для вятских помянников характерна большая обстоятельность и информативность. Наряду с поминовением родственников по плоти старообрядцы поминали также святых и страдальцев за веру. С большим пиететом федосеевцы относились к духовному родословию своего толка. Такие родословия В.К. Семибратов справедливо считает ценным источником по истории старообрядчества. Автор касается также вопросов музыкальной культуры вятских федосеевцев, базировавшейся на раннем обучении детей соответствующей грамоте опытными наставниками.

Обращая внимание на то, что для изобразительного искусства старообрядцев характерна глубокая религиозность, В.К. Семибратов рассматривает иконопочитание и иконопись у вятских старообрядцев-федосеевцев. Средоточием большого числа икон, естественно, была молельня, и в с. Старая Тушка, например, каждый крестьянский двор приобретал для нее икону. К числу особо уважаемых людей относились иконописцы. В Вятском крае одним из наиболее известных иконописцев был Л.А. Гребнев. Под его началом в с. Старая Тушка действовала иконописная мастерская. При этом, по мнению автора, вятские старообрядцы не чуждались и "мир-

ской" живописи, создавая портреты московских "дониконовских" патриархов и своих здравствующих земляков.

В.К. Семибратов также подчеркивает, что, держась за традиции, федосеевцы не пренебрегали и такими инновациями, как фотография. В отличие от представителей некоторых других толков (напр., филипповцев), они довольно успешно внедряли фотографию в свой быт, благодаря чему до нас дошли портреты старообрядцев и изображения их домов. Некоторые из этих фотографий приводятся в книге, что делает восприятие материала более ярким. Кстати, было бы желательно снабдить книгу и картой, отражающей расселение федосеевцев (а также, возможно, и других упоминаемых в работе групп старообрядцев).

Поскольку рецензируемый труд имеет бесспорную ценность для будущих исследователей старообрядчества, было бы также очень полезно наряду с библиографическим списком в конце книги привести и сведения об архивных данных, к которым автор обращался в ходе исследования.

Имеются и некоторые другие замечания. Трудно разделить мнение автора, что нынешние власти упорно внедряют западную модель жизни (с. 4). Не совсем правильно отождествлять бегунов (странников) с истинно православными христианами странствующими, как это делает В.К. Семибратов (с. 45): истинно православные христиане странствующие – это катакомбная ветвь старообрядчества, возникшая в 1920-е годы.

Как уже отмечалось, книга базируется на разнообразных источниках, и очевидным ее украшением можно считать то, что автор широко цитирует эти источники. При этом, однако, не стоило оставлять без комментариев явные ошибки в приводимых цитатах, даже когда эти огрехи и не относятся непосредственно к теме исследования. Например, в приведенной на с. 48 цитате часовенное согласие отнесено к беглопоповцам, что неверно. Оно вышло из недр беглопоповщины, но сформировалось как беспоповское согласие, хотя в какой-то степени занимает промежуточное положение между поповцами и беспоповцами.

Нельзя полностью согласиться с утверждением о том, что о численности старообрядцев в 1920–1930-е годы "трудно судить даже приблизительно, поскольку учет населения по конфессиональному признаку тогда не осуществлялся" (с. 61). Конечно же, данные переписи населения 1937 г. – единственной советской переписи, во время которой выяснялся религиозный состав – не вполне надежны, но некоторое представление о религиозной ситуации в стране они все-таки дают.

Порой автор делает противоречивые заключения. Так, на с. 144 он утверждает, что отношение к "мирским песням" у крестьян-старообрядцев было, как правило, негативным. Однако уже на с. 149 он пишет: «Хотя словесная составляющая музыкального репертуара федосеевцев преимущественно религиозного содержания, тем не менее в старообрядческих деревнях бытовали и "мирские" песни, получавшие все большее распространение в годы советской власти». Пожалуй, более верно идея сформулирована на с. 150–151: "Конечно, как и у других старообрядцев, в жизни вятских федосеевцев мирской фольклор занимал гораздо меньше места, нежели у сторонников официального православия. Идущая из глубины веков музыкальная культура была преимущественно религиозной, что отражалось и в содержании исполнявшихся произведений (в частности, духовных стихов), и в их мелодике и ритмике (одноголосие, плавность напевов)".

К сожалению, в тексте встречаются стилистические погрешности.

Подводя итог, хочется все же подчеркнуть, что перечисленные частные замечания не стоит расценивать как снижающие ценность работы. По моему мнению, книга "Староверы федосеевцы Вятского края" – итог многолетнего труда В.К. Семибратова, построенная на обширном полеводном, архивном, археографическом и историографическом материале – может рассматриваться как существенный вклад в изучение разных сторон религиозной практики и повседневной жизни старообрядцев и различных элементов их культуры. Она представляет бесспорный интерес для всех, кто занимается историей старообрядчества, современной религиозной ситуацией в России и этнографией русского народа.

Литература

Мельников 1999 – Мельников Ф.Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) Церкви. Барнаул, 1999.

НА САЙТЕ ЖУРНАЛА

Уважаемые читатели, обратите внимание, что на Интернет-сайте журнала в разделе *Этнографическое обозрение Online* (<http://journal.ica.ras.ru/online>) опубликованы следующие материалы:

- *Э.Г. Александренков, С.Я. Козлов*. Большой юбилей большого ученого: 90 лет Эдуарду Львовичу Нитобургу
- *О.Ю. Артемова*. Вик-мункан и другие
- *М.М. Керимова*. Выставка "Славяне Европы и народы России" (к 140-летию первой Всероссийской этнографической выставки 1867 г.)
- *А.А. Лебедева*. Маклаевские чтения – 2007
- *Н.В. Плужников*. Об относительности в современной этнологии: книга А. Венцеля (*A. Ventsel. Reindeer, Rodina and Reciprocity: Kinship and Property Relations in a Siberian Village*. Münster: LIT Verlag, 2006)
- *Н.Л. Пушкарева*. О гендерном сдвиге в сообществах Севера России (Размышления о конференции 2–6 мая 2008 г. в Цесвайне, Латвия)
- Список основных научных трудов Е.П. Бусыгина
- Список основных научных трудов В.П. Дьяконовой
- Список основных научных трудов А.М. Решетова (сост. А.А. Бурькин)

Errata

В № 3 за 2008 г. в специальной теме номера «Нефть, экология, культура» была допущена опечатка в ссылке на номер проекта. В примечании со звездочкой на страницах 28, 60 и 78 следует читать «Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (№ 06-01-00152а)» и далее по тексту.